

M $\frac{141}{196}$

1900

И. Пономаревъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ МНѢНІЯ

ИВАНА СЕРГѢЕВИЧА

ТУРГЕНЕВА.

I.

ТУРГЕНЕВЪ ОБЪ А. С. ПУШКИНЪ.

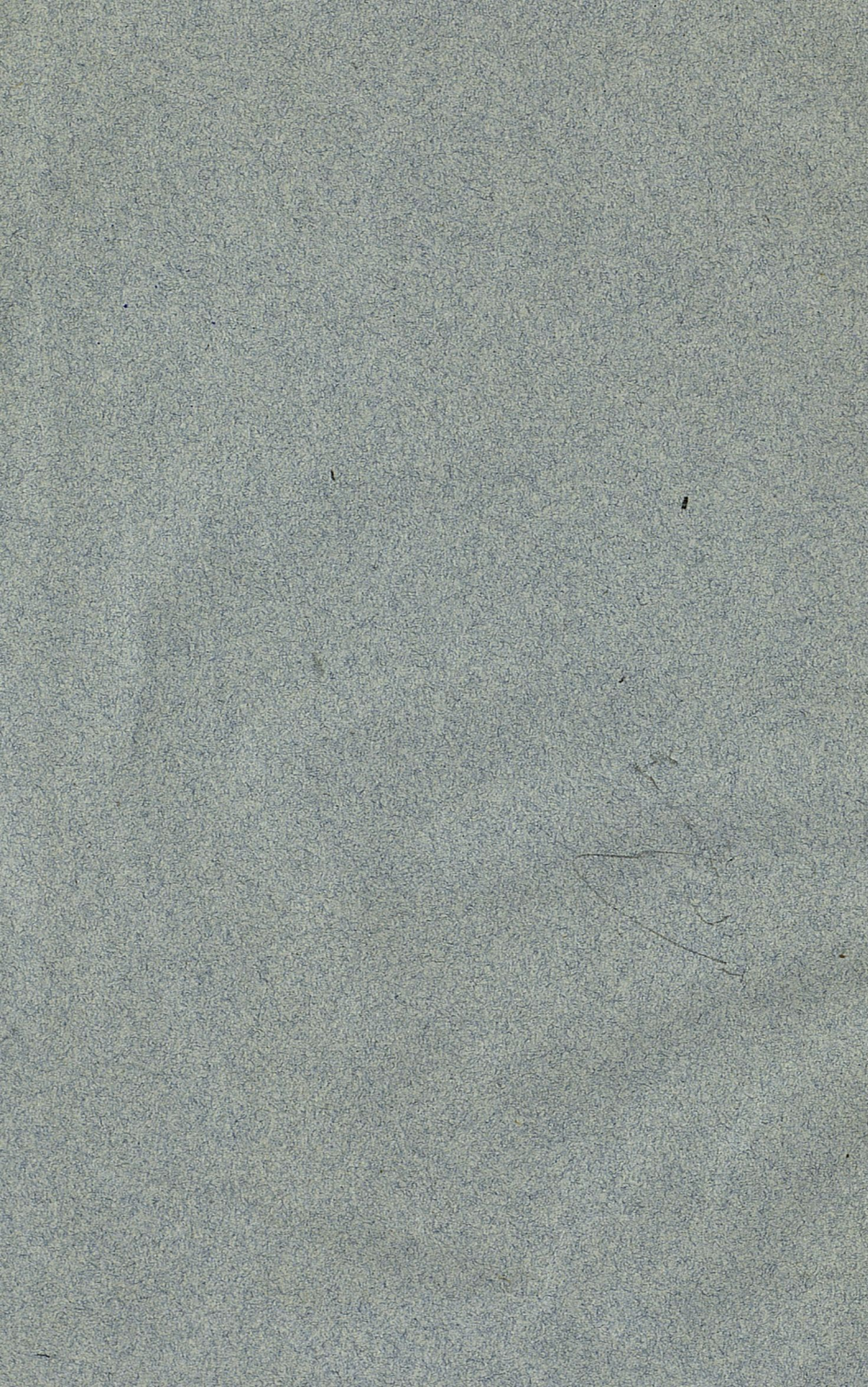
II.

ТУРГЕНЕВЪ О Л. Н. ТОЛСТОМЪ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1900.

И. Пономаревъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ МНѢНІЯ

ИВАНА СЕРГѢЕВИЧА

ТУРГЕНЕВА.

I.

ТУРГЕНЕВЪ ОБЪ А. С. ПУШКИНЪ.

II.

ТУРГЕНЕВЪ О Л. Н. ТОЛСТОМЪ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1900.

Дозволено цензурою. Г. Казань, 3 июня 1900 года.

18222-0

2010515571

Тургеневъ объ А. С. Пушкинѣ.

Своимъ старикамъ

посвящаетъ

составитель

101

СРОЧНО

СРОЧНО

Данная квитанция выдана 5 июля 1900 года.

СРОЧНО

Р. 33781

Тургеневъ объ А. С. Пушкинѣ.

Во всякомъ дѣлѣ лучшимъ цѣнителемъ является тотъ, кто знакомъ съ этимъ дѣломъ, будетъ ли это простая обиходная вещь, постройка дома, сложная машина. Правильнѣе будетъ лишь судъ специалиста. Если это вѣрно относительно предметовъ, удовлетворяющихъ нашимъ насущнымъ потребностямъ, то такъ же вѣрно это положеніе и по отношенію къ предметамъ, удовлетворяющимъ нашимъ высшимъ потребностямъ, т.-е. стремленію къ знанію, къ истинѣ, и стремленію къ прекрасному, къ идеалу. Только въ послѣднемъ случаѣ еще труднѣе судить. Нашимъ насущнымъ потребностямъ всѣ мы, люди, должны удовлетворять, безъ этого мы не обходимся. А до полного сознанія высшихъ потребностей люди доходятъ лишь значительно позже. Полное уразумѣніе ихъ, а тѣмъ болѣе удовлетвореніе—вещь сложная.

Нашему врожденному стремленію къ прекрасному, къ идеалу, удовлетворяютъ искусства, къ числу которыхъ относится поэзія. Высшія стремленія врождены намъ, прирожденными являются и искусства, и каждый изъ насъ, разъ онъ разумное существо, разъ онъ мыслить—художникъ. Извѣстно, напримѣръ, что люди съ полнымъ отсутствіемъ слуха часто большіе любители пѣть и поютъ на горе окружающимъ, но сами то они вполне удовлетворяются своимъ пѣніемъ. Всѣ мы—поэты, но значительная и очень значительная часть изъ насъ—лишь поэты въ душѣ. Чувствовать и умѣть выразить то, что чувствуешь, двѣ вещи совершенно различныя.

Поэзія сложное искусство. Еще болѣе сложно состояніе поэта въ моменты творчества. Объ этомъ мы можемъ ясно судить хотя бы по извѣстнымъ намъ стихотвореніямъ Пушкина „Пророкъ“, „Поэтъ“. Кто испыталъ эти чувства, тотъ поэтъ, какъ опредѣляетъ Пушкинъ.

Вспомнимъ теперь, что о всякой вещи правильно судить только тотъ, кто сжилъ съ нею, всесторонне знаетъ ее. Если это вѣрно, то, слѣдовательно, о поэтѣ и его поэзіи правильнѣе всего можетъ судить поэтъ же. О поэтѣ, всѣми признаваемомъ, увѣковѣчившемъ свое имя, справедливѣе будетъ судить равный ему или близко подходящій къ той же категоріи.

Вотъ причина, почему я имѣлъ въ виду сдѣлать выборку изъ мнѣній Тургенева о Пушкинѣ. Тургеневъ самъ признаетъ себя ученикомъ Пушкина. Такъ, заканчивая свое привѣтствіе Крашевскому по поводу его юбилея, Тургеневъ говоритъ:... „русскій писатель, ученикъ Пушкина, заочно поднимаетъ заздравный кубокъ въ честь польскаго поэта, сподвижника Мицкевича.“ (79 г.) Въ предисловіи къ изданію писемъ Пушкина Тургеневъ говоритъ о своемъ глубококомъ благоговѣніи передъ памятью Пушкина, ученикомъ котораго онъ считалъ себя съ „младыхъ ногте“ (77 г.). Но имя ученика Пушкина уже бессмертно; это одинъ изъ тѣхъ, кто весь не умретъ: душа его въ завѣтной лирѣ пережила его прахъ.

Къ тому, что когда-либо и о комъ-либо говорилъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, мы не имѣемъ основанія относиться иначе, какъ съ полнымъ довѣріемъ; стоитъ только вспомнить, что въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 1874 года онъ говоритъ: „Ни за одну строчку, написанную мною, мнѣ не приходилось краснѣть, ни отъ одной отказаться“. „Отзывы меня не трогаютъ, такъ какъ я не привыкъ отказываться отъ своихъ мнѣній“, говоритъ Тургеневъ въ другомъ своемъ письмѣ отъ 1882 года.

Мы начнемъ съ частной переписки Тургенева съ друзьями; здѣсь человѣкъ является такимъ, какимъ онъ есть, безо всякихъ прикрасъ. Во всей перепискѣ Ивана Сергѣевича, обнимающей продолжительный періодъ между 1840-мъ и 1883 годомъ, годомъ смерти Тургенева, мы видимъ то же отношеніе къ Пушкину и къ его поэзіи, какъ и въ официальныхъ рѣчахъ Тургенева. Въ письмѣ къ Дружинину (56 г.) Тургеневъ говоритъ объ удовольствіи, которое ему доставили двѣ статьи о Пушкинѣ этого поклонника Пушкинской поэзіи—Дружинина. Предвижу, говоритъ Тургеневъ въ другомъ письмѣ къ Дружинину же, что не во всемъ буду соглашаться съ вами... Зато знаю, что многое, самое душевное и дорогое для меня, вы выскажете такъ, что мнѣ останется только кланяться и благодарить, подобно тому, какъ я вамъ кланяюсь за статью о Пушкинѣ“. Тургеневъ привѣтствуетъ каждое новое изданіе произведеній Пушкина. Онъ пеняетъ Анненкову, что тотъ не послалъ ему 7-го тома Пушкина

въ 1858 году, а въ письмѣ къ Милютиной въ 75 г. радуется, что Антокольскій принялся за бюстъ Пушкина.

Въ письмѣ къ Случевскому (1862 г.), выясняя типъ своего Базарова, Тургеневъ говоритъ: „Мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, и все-таки обреченная на погибель, потому что она все-таки стоитъ еще въ преддверіи будущаго, мыѣ мечтался какой-то странный *rep-dant* съ Пугачевымъ.“

Въ письмѣ къ Полонскому въ 1867 г. Тургеневъ хвалить его новое стихотвореніе „Вакханка и сатиръ“, при чемъ говоритъ: „Вообще, стихотвореніе прекрасно, и такой куплетъ, какъ 9-ый, хотя бы самому Пушкину, а у меня это высочайшая похвала“

Завѣты Пушкина всегда были святы для Тургенева. Онъ не можетъ „противиться искушенію“ прочесть стихотвореніе Пушкина „Поэту“, чтобы „украсить этимъ поэтическимъ золотомъ свою прозаическую рѣчь“ при открытіи памятника Пушкину въ 1880 г. Насколько свято хранилъ Тургеневъ эти завѣты, мы можемъ судить по выдержкѣ изъ письма къ Полонскому въ 1868 году: „Что касается до литературной дѣятельности вообще, то должно каждому непремѣнно и неуклонно итти своей дорогой, спокойно и, по мѣрѣ возможности, зорко глядя кругомъ. Само дѣло покажетъ, правъ ли ты, а пока перечитывай Пушкинскаго „Поэта“: „Поэтъ, не дорожи любовію народной“...“

То и дѣло Тургеневъ произноситъ судъ словами Пушкина, что, конечно, свидѣтельствуешь, какъ о его уваженіи къ авторитетности Пушкина, такъ и о родственности по духу Тургенева съ Пушкинымъ, его учителемъ.

Въ письмѣ къ Полонскому (76 г.) читаемъ: „О г-нѣ Ч (ерняевѣ) я уже больше говорить не буду: тѣмъ болѣе, какъ сказано у Пушкина, онъ теперь „осужденъ послѣднимъ приговоромъ“. Въ письмѣ Полонскому въ 1882 году, т. е. за годъ до своей смерти, Тургеневъ, уже больной, пишетъ: „А кругомъ все зелено, цвѣтеть, птицы поютъ... Но все это прекрасно и любезно, пока здоровъ, а тутъ невольно вспоминается о „равнодушной природѣ“. „Я преимущественно реалистъ, пишетъ Тургеневъ въ 75 г. Милютиной, и болѣе всего интересуюсь живою правдою людскою фізіономіи; ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни въ какіе абсолюты и системы не вѣрю, люблю больше всего свободу“... „Пиши, что тебѣ на душу придетъ, не справляясь заранѣе съ мнѣніями публики. Впрочемъ, я долженъ отдать себѣ справедливость, что я такъ и

поступалъ до сихъ поръ. Да и какъ это писать для публики??“ удивляется Тургеневъ въ письмѣ къ Полонской въ 1882 году. Въ 76 г. въ письмѣ къ Полонскому, говоря о своемъ новомъ романѣ „Новъ“, Тургеневъ выражаетъ мысль, что ему, вѣроятно, придется выслушать „судъ глупца и смѣхъ толпы холодной“.

Тургеневъ глубоко скорбитъ объ упадкѣ поэзіи въ его практическій вѣкъ. „Не ищи причинъ, пишетъ онъ въ 69 году Полонскому, почему поэтовъ нѣтъ: ихъ нѣтъ потому, что нѣтъ: другой причины, повѣрь, самый первый умница не придумаетъ. И народятся они тоже безо всякой причины: возьмутъ да и народятся“.

„А у насъ, точно, поэзія померла: что за мертвечина и сушь и вялость! Даже стихъ совсѣмъ пропалъ!“ вырывается у Тургенева въ письмѣ къ Полонскому же въ 72-мъ году.

Какъ дорого было для Тургенева имя Пушкина, мы видимъ по слѣдующей выдержкѣ изъ письма Ивана Сергѣевича отъ 78 года: „Когда г. Скабичевскій, обращаясь къ молодежи, говоритъ ей, что она права, ставя Некрасова выше Пушкина и Лермонтова, и говорить это „не обинуясь“, я съ трудомъ удерживаю негодованіе и только повторяю стихи Шиллера:

„Ich sah des Ruhmes schönste Kränze
Auf der gemeinen Stirn entweiht...“.

Тургенева волнуетъ все относящееся къ Пушкинскимъ произведеніямъ. Въ письмѣ къ Л. Н. Толстому (78 г.) читаемъ: „Евгеній Онѣгинъ“ Чайковскаго замѣчательная музыка; особенно хороши лирическія, мелодическія мѣста. Но что за либретто! Представьте: стихи Пушкина о дѣйствующихъ лицахъ вкладываются въ уста самихъ лицъ. Напр., о Ленскомъ сказано:

„Онъ нѣлъ увядшій жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ 18 лѣтъ“,

а въ либретто стоитъ: „Пою увядшій жизни цвѣтъ“ и т. д. И такъ постоянно“.

Въ 80-мъ году въ Петербургѣ Тургеневъ пишетъ Гаевскому: „На счетъ Пушкинскаго обѣда и т. п. объявляю заранѣе, что вотирую съ вами“. А немного позднѣе Тургеневъ обнаруживаетъ вполне то горячее сочувствіе, съ какимъ онъ отнесся къ Пушкинскому празднеству, въ устройствѣ котораго онъ принималъ дѣятельное участіе. Въ письмѣ къ тому же Гаевскому читаемъ: „Я потому до сихъ поръ ничего не могъ писать вамъ о Пушкинскомъ праздникѣ, что только вчера окончательно составила программа. Вотъ она: 25 числа (наканунъ открытія памятника) утромъ публичное засѣданіе Общества

любителей словесности, подъ предсѣдательствомъ Юрѣва, съ рѣ-
чами. 26-го числа утромъ открытіе памятника, потомъ большой
обѣдъ подъ предсѣдательствомъ Грота для литераторовъ, депу-
татовъ отъ университета и пр. и отдѣльными краткими сличами.
Сличи эти будутъ произноситься только тѣми лицами, имена
которыхъ будутъ находиться на сличѣ, составленномъ комите-
томъ, чѣмъ устраняется всякій нехорошій элементъ. Вотъ
лица въ Петербургѣ, къ которымъ комитетъ обратится съ пригла-
шеніемъ произносить эти небольшіе сличи: Гончаровъ, Достоевскій,
Салтыковъ, Потѣхинъ, Полонскій, Григоровичъ, Пыпинъ, Майковъ...
Тутъ надо отложить всякія суеты, опасенія и не идущія къ дѣлу
соображенія. Изъ московскихъ будутъ говорить Островскій, Писем-
скій, И. Аксаковъ, Бартеневъ, Тихонравовъ, Левъ Толстой. Очень
было бы желательно, чтобы вся литература единодушно сгруппиро-
валось бы на этомъ Пушкинскомъ праздникѣ. Ему же 12-го мая
80 года Тургеневъ пишетъ: „Разумѣется, принимаю съ великимъ
удовольствіемъ назначеніе комитета и буду присутствовать на за-
сѣданіи 25-го мая, какъ депутатъ нашего общества. Очень пріятно
слышать, что Петербургская литература хочетъ двинуться въ Мо-
скву: надо всѣмъ собраться цѣлой массой: всякія отдѣльныя и позд-
нія манифестаціи неумѣстны.“

Такъ же сочувственно Иванъ Сергѣевичъ принималъ участіе въ
устройствѣ Пушкинской выставки въ Петербургѣ въ 80-мъ году.
Тому же Гаевскому оно пишетъ: Повторяю мое обѣщаніе сдѣлать
послѣднее усиліе для полученія отъ Тургеневыхъ писемъ Пушкина
и, если это мнѣ удастся, перешлю ихъ къ вамъ и пришлю вамъ
въ переводѣ мнѣніе оксфордскаго ученаго о надписи на кольцо.
Все это исполню точно и скоро“. (Рѣчь идетъ о кольцѣ и волосахъ
Пушкина, бывшихъ на Пушкинской выставкѣ).

Немного позднѣе Т. пишетъ тому же Гаевскому: „Я не нашелъ
объясненія надписи на Пушкинскомъ кольцѣ, даннаго Оксфордскимъ
профессоромъ, и писемъ Пушкина къ А. И. Тургеневу отъ Тур-
геновыхъ я не получилъ. Я начинаю думать, что они ихъ просто
потеряли. Вмѣсто этихъ писемъ они вручили мнѣ (и то только
вчера) записку Пушкина на клочкѣ бумаги, посланную А. И. Тур-
генову наканунѣ дуэли, и перебѣленную тетрадь, писанную рукою
Пушкина, *первой главы Онѣгина* съ нѣкоторыми поправками... Эти
двѣ вещи Тургеневы отдали мнѣ со страхомъ и трепетомъ“. 10
ноября Тургеневъ пишетъ ему же: „Пушкинская выставка... имѣетъ
блестящій успѣхъ, чему душевно радуюсь“

Уже передъ смертью, когда Тургеневъ чувствовалъ „боль во время стоянія и хожденія“, когда онъ „окончательно примирился съ мыслью о неизлѣчимости болѣзни и о совершенной бесполезности медицинскихъ средствъ“, онъ съ живѣйшимъ интересомъ освѣдомляется изъ Буживаля о „Пушкинскомъ собраніи“, и о „Пушкинскомъ кружкѣ“. Наименованіе ихъ „Пушкинскими“ даетъ Тургеневу поводъ заключить о появленіи въ обществѣ „потребности сосредоточить нашу разбросанную литературу“, руководясь идеалами и завѣтами Пушкина, имя котораго присвоили себѣ „собраніе“ и „кружокъ“.

Принимая во вниманіе полную искренность и правдивость самого Тургенева, его близкое знакомство съ западно-европейской литературой и съ выдающимися ея представителями, мы позволимъ себѣ привести его мнѣніе о Пушкинѣ, какъ *мировомъ поэтѣ*, занявшемъ почетное мѣсто и у народовъ культурнаго запада.

„Творенія Пушкина по своимъ достоинствамъ поражаютъ не однихъ насъ, его соотечественниковъ, говоритъ Тургеневъ въ своей рѣчи при открытіи памятника Пушкину въ 1880 мѣ году, но и тѣхъ изъ иноземцевъ, которымъ онъ сталъ доступенъ. Сужденія такихъ иноземцевъ бывають драгоцѣнны: ихъ не подкупаетъ патріотическое увлеченіе... „Ваша поэзія, сказалъ намъ однажды Меримэ, извѣстный французскій писатель и поклонникъ Пушкина, котораго онъ, не обинуясь, называлъ величайшимъ поэтомъ эпохи, чуть ли не въ присутствіи самого Виктора Гюго, ваша поэзія ищетъ прежде всего правды, а красота потомъ является сама собою. У Пушкина, добавлялъ онъ, поэзія чуднымъ образомъ расцвѣтаетъ какъ бы сама собою изъ самой трезвой прозы“. Тотъ же Меримэ, говоритъ далѣе Тургеневъ, постоянно примѣнялъ къ Пушкину извѣстное изреченіе: *proprie communia dicere*, признавая это умѣнье самобытно говорить общеизвѣстное—за самую сущность поэзіи, той поэзіи, въ которой примиряются идеальное и реальность. Онъ также сравнивалъ Пушкина съ древними греками, по равномѣрности формы и содержанія образа и предмета, по отсутствію всякихъ толкованій и моральныхъ выводовъ. Прочтя однажды „Анчаръ“, онъ послѣ конечнаго четверостишія замѣтилъ: „Всякій новѣйшій поэтъ не удержался бы тутъ отъ комментаріевъ“. Меримэ также восхищался способностью Пушкина вступать немедленно *in medias res*, брать „быка за рога“, какъ говорятъ французы, и указывалъ на его „Донъ-Жуана“, какъ на примѣръ такого мастерства“.

Далѣ, Тургеневъ отмѣчаетъ въ Пушкинѣ „ту мощную силу самобытнаго присвоенія чужихъ формъ, которую сами иностранцы признають за русскими“. „Это свойство дало ему возможность создать, напр., монологъ „Скупого рыцаря“, подъ которымъ съ гордостью подписался бы Шекспиръ.“

Въ связи съ этимъ необходимо указать *объективность* поэзіи Пушкина, которую справедливо отмѣчаетъ Тургеневъ. „Поразительна въ поэтическомъ темпераментѣ Пушкина эта особенная смѣсь страстности и спокойствія, или, точнѣе говоря, эта объективность его дарованія, въ которомъ субъективность его личности сказывается лишь однимъ внутреннимъ жаромъ и огнемъ“.

Далѣ, Тургеневъ прекрасно характеризуетъ Пушкина, какъ *національнаго* поэта. Въ лекціи о Пушкинѣ, прочтенной въ 1859 году, Тургеневъ говоритъ: „Нашъ великій художникъ Пушкинъ, отвернувшись отъ толпы и приблизившись, насколько могъ, къ народу, обдумывалъ свои завѣтные творенія....; по душѣ его проходили тѣ образы, изученіе которыхъ невольно зарождаетъ въ насъ мысль, что онъ одинъ могъ бы подарить насъ и народной драмой и народной эпопеей.“

Въ своемъ „Предисловіи къ новымъ письмамъ Пушкина къ женѣ“ Тургеневъ такъ характеризуетъ послѣдняго: „Каждая строка великаго русскаго поэта должна быть дорога всѣмъ его соотечественникамъ... Въ этихъ письмахъ, какъ и въ прежде появившихся, такъ и бьетъ струею свѣтлый и мужественный умъ Пушкина, поражаетъ прямизна и вѣрность его взглядовъ, мѣткость и какъ бы невольная красивость выраженія... Пушкинъ былъ не только самымъ талантливымъ, но и самымъ русскимъ человѣкомъ своего времени; и уже съ этой точки зрѣнія его письма достойны вниманія каждаго образованнаго русскаго человѣка; для историка литературы они суцїй кладъ: нравы, самый бытъ извѣстной эпохи отразились въ нихъ хотя быстрыми, но яркими чертами“.

Въ своей рѣчи при открытіи памятника Пушкину Тургеневъ называетъ Пушкина „нашимъ первымъ поэтомъ художникомъ, выразителемъ народной сути, слившимъ два основныхъ ея начала—начало *восприимчивости* и начало *самодѣятельности*, находящихся въ вѣчной борьбѣ, созданной историческими условіями русской жизни, и проявляющихся въ порывистости и сознающей свою мощь стремительности“.. „Вспомнимъ, говоритъ Тургеневъ, Петра Великаго, натура котораго какъ-то родственна натурѣ самого Пушкина. Не даромъ же онъ питалъ къ нему особенное чувство любовнаго благоговѣнія“.

„Пушкинъ былъ великолѣпный русскій художникъ, говорить далѣе въ той же рѣчи Тургеневъ, и именно — русскій! Самая сущность, всѣ свойства его поэзіи совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа... Эта прямодушная правда, отсутствіе лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущеній — всѣ эти хорошія черты хорошихъ русскихъ людей, поражаютъ въ твореніяхъ Пушкина“.

„Пушкинъ былъ центральный художникъ, человѣкъ, близко стоящій къ самому средоточію русской жизни“, говорить далѣе Тургеневъ.

Пушкинъ былъ *художникомъ пріилаго русской жизни*, въ которое онъ переносился самъ, создавая образы, и увлекалъ за собою читателя, раскрывая передъ его умственными очами завѣсу, скрывающую далекое прошедшее. „Такіе образы, какъ Пимень, какъ главныя фигуры „Капитанской дочки“, не служатъ ли они, говорить Тургеневъ, доказательствомъ, что и прошедшее жило въ немъ такую же жизнью, какъ и настоящее?“

Но этого мало. Тургеневъ отмѣчаетъ ту особенность поэзіи Пушкина, которая заставила самого Тургенева и лучшихъ нашихъ поэтовъ Пушкинскаго и послѣ — Пушкинскаго періода называть себя учениками его. „Пушкинъ въ своихъ созданіяхъ, говорить Тургеневъ, оставилъ намъ множество образцовъ, типовъ (еще одинъ несомнѣнный признакъ геніальнаго таланта!), — типовъ того, что совершилось потомъ въ нашей словесности. Вспомните хоть сцену корчмы изъ „Бориса Годунова“, „Лѣтопись села Горохина“ и т. д.... „Прошедшее жило въ немъ такую же жизнью, какъ и настоящее, какъ и *предсознанное имъ будущее*.“

Правда, вслѣдствіе „самой судьбы, историческаго развитія общества, условій новой жизни“, явились новыя потребности, на которыя не было отвѣта „изъ бѣломраморнаго храма Пушкинской поэзіи, гдѣ поэтъ являлся жрецомъ, гдѣ, правда, горѣлъ огонь... но на алтарѣ и сожигалъ... одинъ өиміамъ, — и люди пошли на шумныя торжища, гдѣ именно была нужна метла... Искусство, завоевавшее твореніями Пушкина право гражданства, несомнѣнность своего существованія, языкъ, имъ созданный, — стали служить другимъ началамъ, столь же необходимымъ въ общественномъ устроеніи“.

Но прошла эта переходная пора, „и ничто, говорить Тургеневъ, уже не помѣшаетъ поэзіи, главнымъ представителемъ которой является Пушкинъ, занять свое законное мѣсто среди прочихъ законныхъ проявленій общественной жизни... Подъ вліяніемъ стараго,

но не устарѣвшаго учителя законы искусства, художническіе приемы вступать опять въ свою силу"...

Это убѣжденіе сохранилъ Тургеневъ въ теченіе всей своей жизни. Еще въ 1856 г. онъ писалъ Дружину: „Вспомните, что я, поклонникъ и малѣйшій послѣдователь Гоголя, толковалъ вамъ когда-то о необходимости возвращенія Пушкинскаго элемента въ противѣсіе Гоголевскому“.

Такъ смотрѣлъ Иванъ Сергѣевичъ на Пушкина и его поэзію. Не фразою были его слова, произнесенныя имъ въ застольной рѣчи на обѣдѣ профессоровъ и литераторовъ 13 марта 79 г., когда Петербургъ чествовалъ Тургенева: „Позвольте мнѣ, закончилъ свою рѣчь И. С., мнѣ, человѣку прошедшаго, человѣку 40-хъ годовъ, человѣку старому, провозгласить тостъ за молодость, за будущее, за счастливое и здоровое развитіе ея судебъ, и да совершатся, наконецъ, слова нашего великаго поэта, да настанетъ возможность каждому изъ насъ воскликнуть въ глубинѣ души:

Въ надеждѣ славы и добра

Глядимъ впередъ мы безъ боязни!“

„Сооруженіе памятника Пушкину, говоритъ Тургеневъ въ своей рѣчи по поводу открытія памятника въ 80-мъ году, сооруженіе, въ которомъ участвовала, которому сочувствуетъ вся образованная Россія, и на празднованіе котораго собралось такъ много нашихъ лучшихъ людей, представляется намъ данью признательной любви общества къ одному изъ самыхъ достойныхъ его членовъ“.

Не оставилъ Тургеневъ безъ указанія и значенія Пушкина въ дѣлѣ разработки литературнаго русскаго языка. Въ своей рѣчи Тургеневъ говоритъ о Пушкинѣ: „Онъ создалъ нашъ поэтический, нашъ литературный языкъ, и намъ и нашимъ потомкамъ остается только идти по пути, проложенному его гениемъ... Въ языкѣ, созданномъ Пушкинымъ, всѣ условія живучести: русское творчество и русская восприимчивость стройно слились въ этомъ великолѣпномъ языкѣ“. Далѣе, въ той же рѣчи Тургеневъ опредѣленно говоритъ о „мужественной прелести, силѣ и ясности“ языка Пушкина.

Отмѣтивши значеніе Пушкина, Тургеневъ въ своей рѣчи говоритъ и о томъ обстоятельствѣ, которое нужно помнить при оцѣнкѣ Пушкина: о его ранней смерти, помѣшавшей ему сдѣлать еще многое для русской литературы: „Пушкинъ, говоритъ Тургеневъ, не могъ всего сдѣлать. Не слѣдуетъ забывать, что ему одному пришлось исполнить двѣ работы, въ другихъ странахъ раздѣленныя цѣлымъ столѣтіемъ и болѣе, а именно: установить языкъ и создать литературу.

Къ тому же, надъ нимъ тоже отяготѣла та жестокая судьба, которая съ такой почти злорадной настойчивостью преслѣдуетъ нашихъ избранниковъ. Ему и 37-ми лѣтъ не минуло, когда она его вырвала отъ насъ. Безъ глубокой грусти, безъ какого-то тайнаго, хотя и безпредметнаго негодованія нельзя читать слова, начертанныя имъ въ одномъ письмѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти: „Моя душа расширилась: я чувствую, что я могу творить“. Творить! А уже отливалась та глупая пуля, которая должна была положить конецъ его расцвѣтающему творчеству! Какъ бы то ни было, заканчиваетъ свою рѣчь Тургеневъ, заслуги Пушкина передъ Россіей велики и достойны народной признательности. Онъ далъ окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силѣ, логикѣ и красотѣ формы признается даже иностранными филологами едва ли не первымъ послѣ древне-греческаго; онъ отозвался типическими образцами, бессмертными звуками на всѣ вѣянія русской жизни. Онъ первый, наконецъ, водрузилъ могучей рукой знамя поэзіи глубоко въ русскую землю, и если пыль поднявшейся послѣ него битвы затемнила на время это свѣтлое знамя, то теперь, когда эта пыль начинаетъ опадать, снова засіялъ въ вышинѣ водруженный имъ побѣдоносный стягъ... Будемъ надѣяться, что въ недалекомъ времени даже сыновьямъ нашего простого народа станетъ понятно, что значить это имя Пушкинъ!“

Такъ заканчиваетъ свою рѣчь Тургеневъ. Намъ остается только сказать, что самъ Пушкинъ, сознавая свои заслуги, говоритъ: „Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой“, Тургеневъ могъ лишь надѣяться на то, что сбудутся пророческія слова Пушкина. Мы, спустя 19 лѣтъ послѣ этой рѣчи Тургенева, спустя ровно сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина, присутствуемъ на его праздникѣ и можемъ уже съ увѣренностью сказать, что въ нынѣшніе Пушкинскіе дни нѣтъ ни одного учащагося въ самой глухой деревушкѣ на Руси, который бы не зналъ о 26-мъ мая, какъ днѣ юбилея Пушкина. Мы дожили до того времени, когда слухъ о Пушкинѣ *прошелъ* по всей Руси великой, и его *назвалъ* всякъ сущій въ ней языкъ. Сбылось пророчество поэта...

II.

Тургеневъ о Л. Н. Толстомъ.

„Словно потухающая лампа, художественный талантъ Л. Толстого порою ярко вспыхиваетъ и въ послѣдніе годы его дѣятельности.... дивный талантъ его ярко прорывается и очаровываетъ насъ, какъ очаровывалъ и въ прежнихъ, лучшихъ его твореніяхъ“.

Такъ заканчиваетъ свою характеристику Льва Николаевича, какъ писателя, нашъ историкъ новѣйшей русской литературы Скабичевскій. Скабичевскій въ данномъ случаѣ высказалъ не свое толькомнѣніе: такъ привыкла смотрѣть на Льва Николаевича и значительная часть нашего интересующагося литературой общества со времени его „увлеченія мистико-теологическими идеями“, какъ выражается тотъ же Скабичевскій. Начало этого увлеченія должно быть отнесено ко времени окончанія романа „Анна Каренина“ (1876 г.) и особенно сильно проявилось въ началѣ 80-хъ годовъ.

„Всѣ его философско-богословскія сочиненія, продолжаетъ печаловаться Скабичевскій, привели въ немалое недоумѣніе и уныніе здравомыслящихъ почитателей таланта гр. Толстого, усматривавшихъ въ мистико-теологическихъ умствованіяхъ его паденіе и утрату великаго таланта земли русской“.

Но къ радости и гордости земли русской великій талантъ не утратился, лампада не только не потухла послѣ ряда, по мнѣнію г. Скабичевского и его „здравомыслящихъ почитателей таланта гр. Толстого“, послѣднихъ вспышекъ, но засвѣтилась снова и снова свѣтитъ со всей своей прежней яркостью, по справедливости создавшей Льву Николаевичу имя „великаго таланта земли русской“. Мы разумѣемъ, конечно, недавно закончившійся новый романъ Толстого „Воскресеніе“, который едва ли и г. Скабичевскій назвалъ бы лишь „вспышкой“, а не новымъ проявленіемъ попрежнему могучаго таланта Льва Николаевича, остающагося послѣднимъ „изъ стаи славной“ рус-

скихъ писателей, произведенія которыхъ стали славнымъ достояніемъ не только ихъ родной земли, но и всего культурнаго міра.

Новый романъ вызоветъ, конечно, въ свое время рядъ обстоятельныхъ разборовъ. Дѣло лишь во времени, необходимомъ для изученія романа.

Я не имѣлъ въ виду брать на себя смѣлость говорить объ этомъ новомъ произведеніи Льва Николаевича. Я лишь пользуюсь случаемъ теперь, когда вниманіе всего читающаго міра обращено на маститаго художника, воспроизвести его значеніе, насколько оно отмѣчено другимъ великимъ русскимъ художникомъ, старшимъ современникомъ Льва Николаевича, Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ.

Отзывы Тургенева, касающіеся Л. Н. Толстого, обнимаютъ долгій періодъ времени съ 1854 по іюль 1883 года, т. е. вплоть до самой смерти Ивана Сергѣевича.

Въ письмѣ Тургенева къ Колбасину въ 1854 году мы читаемъ: „Очень радъ я успѣху „Отрочества“. Дай только Богъ Толстому пожить, а онъ, я твердо надѣюсь, еще удивитъ насъ всѣхъ—это талантъ первостепенный.“

Такъ привѣтствовала Иванъ Сергѣевичъ одно изъ первыхъ произведеній Толстого, и эти строки, какъ справедливо отмѣчаетъ Колбасинъ, оказались пророческими.

Въ 1855 году Тургеневъ восхищается другимъ произведеніемъ Толстого: въ письмѣ къ Дружинину онъ пишетъ: „... не правда ли, какая отличная вещь „Севастополь“ Толстого?“

Эти отзывы Ивана Сергѣевича относятся къ тому времени, когда въ личныхъ ихъ отношеніяхъ произошло нѣкоторое охлажденіе.

„Я подумалъ хорошенько о томъ, что вы мнѣ пишете, говорить Тургеневъ въ письмѣ къ Толстому въ 56 г., и мнѣ кажется, что вы неправы. Я, точно, не могу быть совершенно истиненъ съ вами, потому что не могу быть совершенно откровененъ; мнѣ кажется, мы познакомились неловко и въ неладную минуту—и когда мы увидимся опять, дѣло пойдетъ гораздо глаже и легче. Я чувствую, что люблю васъ, какъ человѣка (объ авторѣ и говорить нечего); но многое меня въ васъ коробитъ; и я нашелъ подъ конецъ удобнѣе держаться отъ васъ подальше. При свиданіи попытаемся опять пойти рука-объ-руку-авось удастся лучше; а въ отдаленіи (хотя это звучитъ довольно странно)—сердце мое къ вамъ лежитъ какъ къ брату, и я даже чувствую нѣжность къ вамъ. Однимъ словомъ—я васъ люблю—это несомнѣнно; авось изъ этого со временемъ выйдетъ все хорошее...“

Вы окончили 1-ю часть „Юности“—это славно. Какъ мнѣ обидно, что я не могу услыхать ее! Если вы не свихнетесь съ дороги—(и, кажется, нѣтъ причинъ предполагать это)—вы очень далеко пойдете. Желаю вамъ здоровья, дѣятельности—и свободы, свободы духовной. Что касается до моего „Фауста“,—не думаю, чтобъ онъ вамъ очень понравился. Мои вещи могли вамъ нравиться—и, можетъ быть, имѣли нѣкоторое вліяніе на васъ только до тѣхъ поръ, пока вы сами сдѣлались самостоятельны. Теперь вамъ меня изучать нечего, вы видите только разность манеры, видите промахи и недомолвки; вамъ остается изучать человѣка, свое сердце и дѣйствительно великихъ писателей. А я—писатель переходнаго времени—и гождусь только для людей, находящихся въ переходномъ состояніи“.

Въ письмѣ къ Колбасину отъ 56 г. Тургеневъ интересуется „новымъ севастопольскимъ отрывкомъ“ Льва Николаевича, отрывкомъ, о которомъ ему пишетъ Писемскій съ большими похвалами.

Въ этомъ же году въ письмѣ къ Дружинину И. С. снова предсказываетъ великую будущность Толстому. „Вы, говорятъ, очень сошлись съ Толстымъ, и онъ сталъ очень милъ и ясенъ. Очень этому радуюсь. *Гдѣ это молодое вино перебродитъ, выйдетъ напитокъ, достойный боговъ!* Въ томъ же письмѣ онъ интересуется „Юностью“ Толстого: „Что его „Юность“, присланная вамъ на судъ?“ спрашиваетъ онъ Дружинина, а въ письмѣ къ самому Толстому читаемъ: „Напишите мнѣ, въ которомъ именно № „Современника“ появится ваша „Юность“... Очень меня утѣшаетъ ваше намѣреніе работать, какъ вы говорите, „стиснувъ зубы“. Дѣло это почтенное“.

Въ этомъ же письмѣ И. С. спрашиваетъ мнѣнія Толстого, какъ художника, о своемъ „Лирѣ“: „Сообщите мнѣ ваше окончательное впечатлѣніе о „Лирѣ“, котораго вы, вѣроятно, прочли, хотя бы для—ради Дружинина“.

Къ этому же времени относится новое письмо И. С. къ Толстому, гдѣ читаемъ между прочимъ: „... (на почтѣ) нашелъ ваше письмо, гдѣ вы мнѣ говорите о моемъ „Фаустѣ“. Вы легко поймете, какъ мнѣ было весело его читать. Ваше сочувствіе меня искренно и глубоко обрадовало. Да и кромѣ того, отъ всего письма вѣяло чѣмъ-то кроткимъ и яснымъ, какой-то дружелюбной тишиной. Мнѣ остается протянуть вамъ руку черезъ „оврагъ“, который уже давно превратился въ едва замѣтную щель, да и о ней упоминать не будемъ: она этого не стоитъ... Боюсь я говорить вамъ объ одномъ

упомянутомъ вами обстоятельствѣ: это вещи нѣжныя—отъ слова завянуть могутъ, пока не созрѣютъ, а созрѣютъ—такъ ихъ, пожалуй, и молотомъ не раздробить. Дай Богъ, чтобы все устроилось благополучно и правильно—а вамъ это можетъ принести ту душевную осядлость, въ которой вы нуждаетесь—или нуждались, когда я васъ зналъ... Вы, я вижу, теперь очень сошлись съ Дружининымъ—и находитесь подъ его вліяніемъ. Дѣло хорошее—только, смотрите, не объѣшьте и его. Когда я былъ вашихъ лѣтъ, на меня дѣйствовали только энтузіастическія патуры, но вы другой человѣкъ, чѣмъ я; да, можетъ быть, и время теперь настало другое“.

Въ письмѣ Тургенева къ Дружинину изъ Парижа въ слѣдующемъ 57 году читаемъ: „Толстой мнѣ пишетъ, что онъ собирается сюда ѣхать, и отсюда веслой въ Италію; скажите ему, чтобы онъ спѣшилъ, если хочетъ застать меня. Впрочемъ, я ему самъ напишу. По письмамъ его я вижу, что съ нимъ совершаются самыя благодатныя перемѣны, и я радуюсь тому, „какъ нянька старая“. Я прочелъ его „Утро помѣщика“, которое чрезвычайно понравилось мнѣ своей искренностью и почти полной свободой воззрѣнія: говорю:—почти—потому что въ томъ, какъ онъ себѣ задачу поставилъ, скрывается еще (можетъ быть, безсознательно для него самого) нѣкоторое предубѣжденіе. Главное нравственное впечатлѣніе этого разсказа (не говорю о художественномъ) состоитъ въ томъ, что, пока будетъ существовать крѣпостное право, нѣтъ возможности сближенія обѣихъ сторонъ, несмотря на самую безкорыстную и честную готовность сближенія—и это впечатлѣніе хорошо и вѣрно: но при немъ бѣжитъ другое, побочное, пристыжное—а именно то, что вообще просвѣщать мужика, улучшать его быть—ни къ чему не ведетъ, и это впечатлѣніе непріятно. Но мастерство языка, разсказа, характеристики—великое“.

Тургеневъ, очевидно, ждалъ этой встрѣчи съ Толстымъ. Въ это же время онъ пишетъ уже Колбасину: „Толстого еще нѣтъ (въ Парижѣ), да врядъ-ли онъ пріѣдетъ скоро: вѣдь онъ сперва отправится въ деревню, тамъ и застрянетъ“. Это онъ пишетъ 26 января, а 17 февраля спѣшитъ увѣдомить Полонскаго: „Толстой здѣсь. Въ немъ произошла перемѣна къ лучшему весьма значительная. *Этотъ человѣкъ поидетъ далеко и оставитъ за собою глубокій слѣдъ*“.

„Толстой очень милъ и работаетъ“, сообщаетъ онъ 3 марта между прочимъ уже Дружинину. Дальше мы видимъ, что между Тургеневымъ и Толстымъ снова, какъ говорится, пробѣжала черная кошка. „Я здѣсь часто вижу Толстого.... (пишетъ Тургеневъ Колба-

сину 8 марта того же 1857 г.) Съ Толстымъ я все-таки не могу сблизиться окончательно: слишкомъ мы врозь глядимъ“.

Этотъ разладъ не мѣшаетъ однако Ивану Сергѣевичу писать въ 65 году Достоевскому: „Изъ писемъ Анненкова я замѣчаю, что въ послѣднее время литература какъ будто оживилась: онъ говоритъ мнѣ о романѣ Толстого, о драмѣ Островскаго. Хотѣлось бы мнѣ все это почитать, но, видно, придется отложить до моего возвращенія“.

Въ письмѣ къ Полонскому отъ 2 января 1868 г. Иванъ Сергѣевичъ, дѣлая характеристику современной литературы, съ отрадой останавливается на одномъ Толстомъ. Это письмо настолько характерно, что я позволю себѣ сдѣлать значительную выдержку изъ него. „Все, что ты мнѣ пишешь... о современномъ состоянii литературы, говорить Тургеневъ, весьма для меня интересно. Сколько можно судить издали, готовится въ ней нѣкоторое возрожденiе: посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Недостатокъ талантовъ, особенно талантовъ поэтическихъ, вотъ наша бѣда. Послѣ Льва Толстого ничего не явилось, а вѣдь его первая вещь напечатана въ 1852 году!—Способности нельзя отрицать во всѣхъ этихъ Слѣпцовыхъ, Рѣшетниковыхъ, Успенскихъ и т. д., но гдѣ же вымыселъ, сила, воображенiе, *выдумка* гдѣ? Они ничего выдумать не могутъ—и, пожалуй, даже радуются тому: этакъ мы, полагаютъ они, ближе къ правдѣ.—Правда—воздухъ, безъ котораго дышать нельзя; но художество—растенiе, иногда даже довольно причудливое, которое зрѣетъ и развивается въ этомъ воздухѣ. А эти господа—*безсѣменники*, и *посѣять* ничего не могутъ. Фетъ очень умно поступить, если сдержитъ слово, данное тебѣ, и бросить писать стихи: что за охота такъ плохо и дрябло повторять самого себя. Я очень его люблю, и мы переписываемся и ссоримся въ каждомъ письмѣ“.

Въ томъ же 68 году Тургеневъ въ письмѣ къ Полонскому дѣлаетъ краткую, но мѣткую характеристику романа „Война и миръ“. „Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, пишетъ Иванъ Сергѣевичъ, никакой критики Анненкова на „Войну и миръ“ нѣту, а есть въ „Вѣстникѣ Европы“, и все, что онъ говоритъ тамъ, очень умно и дѣльно, хотя иногда запутанно въ выраженiяхъ.—Романъ Толстого—вещь удивительная; но самое слабое въ немъ—именно то, чему восторгается публика: историческая сторона—и психологiя. Исторiя его—фокусъ, битые тонкими мелочами по глазамъ; психологiя—капризно-однообразная возня въ однихъ и тѣхъ же ощущенiяхъ. Все бытовое, описательное, военное—это первый сортъ; и подобнаго Толстому мастера у насъ не имѣется“.

„Анну Каренину“ Толстого Тургеневъ признаетъ болѣе слабой вещью. „Съ нетерпѣніемъ, пишетъ Тургеневъ Суворину въ 75 г., жду перваго выпуска вашихъ очерковъ. Портретъ Л. Н. Толстого выйдетъ у васъ, навѣрно, хорошо. Талантъ изъ ряду вонъ, но въ „Аннѣ Карениной“ онъ, какъ говорятъ здѣсь, а *fait fausse route*: вліяніе Москвы, славянофильскаго дворянства, старыхъ православныхъ дѣвъ, собственнаго уединенія и отсутствіе настоящей, художнической свободы. Вторая часть просто скучна и *мелка*, вотъ что горе!“ Ровно черезъ два мѣсяца онъ повторяетъ то же самое уже въ письмѣ къ Полонскому: „Анна Каренина“ мнѣ не нравится, хотя попадаются истинно-великолѣпныя страницы(—скачка, косяба, охота). Но все это кисло, пахнетъ Москвой, ладаномъ, старой дѣвой, славянщиной, дворянщиной и т. д.“

Къ этому времени относится увлеченіе Толстого „мистико-теологическими“ вопросами. Тургеневъ не сочувствуетъ этой перемѣнѣ. „Полагаю, пишетъ онъ въ 76 г. Полонскому, что Чайковскій преувеличиваетъ на счетъ Л. Толстого; но какъ не пожалѣть о томъ, что этотъ человѣкъ, столь необычайно одаренный, словно вслѣдствіе пари, дѣлаетъ именно то, что ему не слѣдуетъ дѣлать?!“

Къ 1878 году относится полное примиреніе между Тургеневымъ и Толстымъ, и при томъ произошло оно, какъ указываетъ Анненковъ въ своей статьѣ „Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ“*), по письму гр. Л. Н. Толстого. Тургеневъ, какъ указываетъ Анненковъ, сохранялъ до послѣдняго дня своего воспоминаніе объ этомъ письмѣ, какъ о трогательнѣйшемъ сердечномъ воплѣ человѣка, призывающаго старыя, простыя, дружескія связи и сношенія. Не менѣе сердеченъ и отвѣтъ Ивана Сергѣевича.

„Любезный Левъ Николаевичъ“, пишетъ Тургеневъ въ 1878 г., я только сегодня получилъ ваше письмо, которое вы отправили *poste restante*. Оно меня очень обрадовало и тронуло. Съ величайшей охотой готовъ возобновить нашу прежнюю дружбу и крѣпко жму протянутую мнѣ руку. Вы совершенно правы, не предполагая во мнѣ враждебныхъ чувствъ къ вамъ; если они и были, то давнымъ-давно исчезли—осталось одно воспоминаніе о васъ, какъ о человѣкѣ, къ которому я былъ искренно привязанъ, и о писателѣ, первые шаги котораго мнѣ удалось привѣтствовать раньше другихъ, каждое новое произведеніе котораго всегда возбуждало во мнѣ живѣйшій интересъ. Душевно радуюсь прекращенію возникшихъ между нами недоразумѣній“.

*) В. Е. 83 г., апрѣль.

„А что между нами, пишетъ И. С. Толстому спустя 3 1/2 мѣсяца, существуетъ та связь, о которой вы говорите, это несомнѣнно, и я очень этому радуюсь, хоть и не берусь разобрать всѣ нити, изъ которыхъ она составлена. Одной художественной—мало. Главное-то, что она есть“.

Въ томъ же году Тургеневъ пишетъ Толстому: „Вы, вѣроятно, уже получили отъ моего пріятеля В. Рольстона, англійскаго литератора и любителя нашей словесности, письмо, въ которомъ онъ проситъ васъ дать о себѣ нѣсколько біографическихъ замѣтокъ. Надѣюсь, что вы ему не отказали, такъ какъ онъ человѣкъ очень хорошій и серьезный, не какой-нибудь корреспондентъ или фельетонистъ. Вамъ уже, вѣроятно, извѣстно, что ваши „Казаки“ вышли въ англійскомъ переводѣ (въ Лондонѣ и Америкѣ) и, по дошедшимъ до меня слухамъ, пользуются большимъ успѣхомъ; а Рольстонъ взялся написать большую статью о „Войнѣ и мирѣ“. Съ своей стороны, я ему послалъ небольшой перечень извѣстныхъ мнѣ фактовъ изъ вашей литературной и общественной жизни, и полагаю, что вы на меня за это сѣтовать не будете. „Казаки“ печатаются также во французскомъ переводѣ (въ Journal de S.-Petersbourg). Мнѣ это немного досадно—потому, что я намѣревался вмѣстѣ съ г-жою Віардо перевести ихъ въ теченіе нынѣшней осени; впрочемъ, если переводъ хорошъ, то досадовать нечего. Не знаю, приняли ли вы какія-либо мѣры для отдѣльнаго изданія здѣсь, въ Парижѣ (не знаю даже, съ вашего ли согласія сдѣланъ этотъ переводъ), но во всякомъ случаѣ предлагаю свое посредничество... Мнѣ будетъ очень пріятно содѣйствовать ознакомленію французской публики съ лучшей повѣстью, написанной на нашемъ языкѣ.“

Черезъ 1 1/2 мѣсяца Тургеневъ снова пишетъ Толстому о переводѣ „Казаковъ“: „Англійскій переводъ „Казаковъ“ вѣренъ, но сухъ и „matter of fact“, какъ самъ г. Скайлеръ, который надняхъ былъ у меня здѣсь проѣздомъ въ Бирмингамъ, куда его назначили консуломъ. Я не видѣлъ французскаго перевода; боюсь, что онъ дѣйствительно вышелъ неудачнымъ, ибо знаю пошибъ нашихъ переводящихъ русскихъ дамъ. Съ одной стороны, я боюсь, а съ другой—чуть не радуюсь: стало-быть, можно будетъ все-таки перевести вашу повѣсть и издать ее.“

Спустя еще 1 1/2 мѣсяца Тургеневъ снова заводитъ рѣчь о „Казакахъ“: „Любезнѣйшій Л. Н., пишу вамъ по поводу „Казаковъ“. Здѣсь нашелся издатель, который желалъ бы напечатать отдѣльной книгой переводъ, появившійся въ „Journal de S.-Peters-“

bourg“. Но такъ какъ ему извѣстно, что переводъ слабъ, то ему хотѣлось бы, чтобы французскій литераторъ Дюранъ (извѣстный своимъ знаніемъ русскаго языка) и я—мы просмотрѣли бы тщательно этотъ переводъ, на что мы, конечно, охотно согласились (я также напишу небольшое предисловіе). Издатель этотъ проситъ также вашего уполномочія.. Надѣюсь, что вы не найдете въ этомъ ничего предосудительнаго—и могу увѣрить васъ, что мы оба стараемся не ударить въ грязь лицомъ и представимъ французской публикѣ „Казаковъ“ въ томъ видѣ, который они заслуживаютъ, и лучше, чѣмъ это сдѣлалъ американскій переводчикъ“.

„Радуюсь тому, пишетъ Тургеневъ Толстому около того же времени, что вы физически здоровы, и надѣюсь, что и „умственная“ ваша хворь, о которой вы пишете, прошла. Мнѣ и она была знакома: иногда она являлась въ видѣ внутренняго броженія передъ началомъ дѣла: полагаю, что такого рода броженіе совершилось и въ васъ. Хотя вы и просите не говорить о вашихъ писаніяхъ, однако не могу не замѣтить, что мнѣ никогда не приходилось „даже немножко“ смѣяться надъ вами; инныя ваши вещи мнѣ нравились очень, другія очень не нравились; инныя, какъ напр., „Казаки“, доставили мнѣ большое удовольствіе и возбуждали во мнѣ удивленіе. Но съ какой стати смѣхъ? Я полагалъ, что вы отъ подобныхъ „возвратныхъ“ ощущеній давно отдѣлались. Отчего они знакомы только литераторамъ, а не живописцамъ, музыкантамъ и прочимъ художникамъ? Вѣроятно, оттого, что въ литературное произведеніе все-таки входитъ больше той части души, которую не совсѣмъ удобно показывать. Да; но въ наши уже немолодые сочинительскіе годы пора къ этому привыкнуть“.

Эти „возвратныя“ ощущенія, какъ мягко выражается И. С., были не чѣмъ инымъ, повидимому, какъ отголоскомъ мучившихъ Толстого вопросовъ. Тургеневъ понималъ это и вѣрилъ, что Толстой—художникъ выйдетъ изъ борьбы съ самимъ собой побѣдителемъ. Въ письмѣ Тургенева къ Полонскому отъ 79 года мы читаемъ: „Л. Толстой, какъ большой и живой талантъ, выскочить изъ болота, куда онъ залѣзъ—и съ пользой для литературы; а Фетъ-Шеншинъ до того погрязъ въ философствованіи, что только пузыри пускаетъ—и пузыри неблаговонные“.

О томъ же взаимномъ дружественномъ расположеніи пишетъ Иванъ Сергѣевичъ Толстому въ 79 году: „Меня очень тронуло сочувствіе, выраженное вами по поводу статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, и я, съ своей стороны, почти готовъ радоваться ей

появленію, такъ какъ оно побудило васъ сказать мнѣ такія хорошія, дружелюбныя слова...“

„Княгиня Паскевичъ, читаемъ дальше въ томъ же письмѣ, переведшая вашу „Войну и миръ“, доставила, наконецъ, сюда 500 экземпляровъ, изъ которыхъ я получилъ 10. Я роздалъ ихъ здѣшнимъ вліятельнымъ критикамъ (между прочимъ Тѣну, Абу и др.). Должно надѣяться, что они поймутъ всю силу и красоту вашей эпопеи.—Переводъ нѣсколько слабоватъ, но сдѣланъ съ усердіемъ и любовью. Я надняхъ въ пятый и шестой разъ съ новымъ наслажденіемъ перечелъ это ваше поистинѣ великое произведение. Весь его складъ далекъ отъ того, что французы любятъ и чего они ищутъ въ книгахъ; но правда, въ концѣ концовъ, беретъ свое.—Я надѣюсь, если не на блестящую побѣду, то на прочное, хотя медленное завоеваніе“.

Въ этомъ же письмѣ далѣе читаемъ какъ бы побужденіе работать въ томъ же направленіи, въ духѣ этого, только что переведеннаго на французскій языкъ романа. „Вы ничего мнѣ не говорите о новой вашей работѣ; а между тѣмъ ходятъ слухи, что вы прилежно трудитесь. Воображаю васъ за письменнымъ столомъ въ той уединенной избѣ, которую вы мнѣ показывали. Впрочемъ, обо всемъ этомъ я скоро буду имѣть извѣстіе—изъ первыхъ рукъ“.

Въ письмѣ къ Полонскому въ 80 году Тургеневъ снова печалуется на направленіе дѣятельности Толстого: „О сочиненіи Л. Толстого, напечатанномъ въ Штутгартѣ, слышу въ первый разъ. Напишу Анненкову (который попрежнему живетъ въ Бадень-Баденѣ), чтобы онъ выслалъ мнѣ два экземпляра:—одинъ будетъ къ тебѣ отправленъ. Мнѣ очень жаль Толстого... а впрочемъ, какъ говорятъ французы, *chacun a sa manière de tuer ses puces*“.

Въ 1882 г. Тургеневъ пишетъ Григоровичу: „Надѣюсь, что вы опять сошлись съ Л. Толстымъ. Это—чудачище, но несомнѣнно гениальный человѣкъ—и добрыйшій.“

Въ томъ же году Тургеневъ еще опредѣленнѣе высказываетъ свой взглядъ на Толстого и его философію въ письмѣ къ тому же Григоровичу: „Я получилъ надняхъ черезъ одну очень милую московскую даму ту исповѣдь Л. Толстого, которую цензура запретила. Прочелъ ее съ великимъ интересомъ: вещь замѣчательная по искренности, правдивости и силѣ убѣжденія. Но построена она вся на невѣрныхъ посылкахъ, и въ концѣ-концовъ приводитъ къ самому мрачному отрицанію всякой живой человѣческой жизни... Это тоже своего рода нигилизмъ. Удивляюсь я, по какому поводу Толстой,

отрицающій между прочимъ и художество, окружаетъ себя художниками, и что могутъ они вынести изъ его разговоровъ? И все-таки Толстой едва ли не самый замѣчательный человѣкъ современной Россіи!“.

Болезнь Ивана Сергѣевича (ракъ позвоночнаго столба), первые симптомы которой появились въ 1881 году, шла впередъ медленными, но вѣрными шагами, сопровождаясь страшными страданіями, свѣтлые промежутки между которыми были все рѣже и рѣже. Съ января 83 года Тургеневъ уже только подписывалъ карандашомъ продиктованныя письма.

И вотъ, въ іюль мѣсяцъ Левъ Николаевичъ получаетъ письмо съ почтовымъ штемпелемъ „Тула, 3 іюля 1883“. Оказалось, что это письмо отъ Ивана Сергѣевича Тургенева. Это было единственное письмо Тургенева безъ даты. Писано оно карандашомъ и даже не имѣло подписи. Повидимому, умирающій собралъ послѣднія силы для него. Оно заключаетъ послѣднее прощаніе и духовное, въ прямомъ смыслѣ этого слова, завѣщаніе Толстому: „Милый и дорогой Левъ Николаевичъ, долго вамъ не писалъ, ибо былъ и есмь, говоря прямо, на смертномъ одрѣ. Выздоровѣть я не могу, и думать объ этомъ нечего. Пишу же я вамъ собственно, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ, и чтобы выразить вамъ мою послѣднюю, искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности! Вѣдь этотъ даръ вашъ оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ, если бы могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ!! Я же человѣкъ конченый, доктора даже не знаютъ, какъ назвать мой недугъ, *névralgie stomacale goutteuse*. Ни ходить, ни ѣсть, ни пить, да что! Скучно даже повторять все это! Другъ мой, великій писатель русской земли—внемлите моей просьбѣ!—Дайте мнѣ знать, если вы получите эту бумажку, и позвольте еще разъ крѣпко, крѣпко обнять васъ, вашу жену, всѣхъ вашихъ... Не могу больше... Усталъ!“

Это были послѣднія собственноручно написанныя Иваномъ Сергѣевичемъ строчки...

Казань:

21 января 1900 г.

2010515571